

ЧЕЛОВЕКОНАУКИ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Мануильский Максим

Анатольевич — кандидат философских наук, заместитель главного редактора журнала “Человек”, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. E-mail: manuil'skiy@mail.ru

¹ В работе О.В. Симоновой [10] содержится подробный обзор важнейших современных точек зрения на проблему, в частности, работ И. Гофмана, П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Гидденса, Дж.Г. Мидда, Э. Эриксона и др., на которую автор во многом опирается.

ИДЕНТИЧНОСТЬ: СУЩНОСТЬ, ОСНОВНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ

© 2017

М.А. Мануильский

*Посвящается Борису Григорьевичу Юдину,
который собирался, но не успел прочесть
рукопись этой статьи.*

Модное сегодня слово “идентичность” восходит к значениям “тождественный”, “одинаковый”. Кочующее по страницам Интернета определение, относящееся к сфере человеческих отношений, гласит: идентичность — свойство психики в концентрированном виде выражать *принадлежность* к различным социальным группам. Улавливаете разницу?

Напрашивается несколько вопросов. Во-первых, ради чего нужно вживаться в образ Другого? Во-вторых, речь идет не о простом отражении реальности, ее копировании, а о создании некоей интеллектуальной конструкции. В-третьих, почему сознание предполагает иметь дело не с конкретным человеком (что значительно облегчает задачу), а с группой, то есть с общностью, которая образуется на основе каких-то отдельных качеств? В-четвертых... Список вопросов можно продолжить. Для ответов не хватит и монографии. Попытаемся разобраться в исходных посылках¹.

На феноменологическом уровне любой человек воспринимает себя как существо уникальное. Конструирование идентичности предполагает поставить себя на месте Другого, то есть фактически примерить на себя требования общества. Идентичность — не просто проекция последних на личность, это проекция, скорректированная индивидом с учетом своих запросов и способностей. Метафорически идентичность можно представить в виде перевернутого айсберга: большая надводная часть которого — публично демонстрируемая индивидом позиция, меньшая подводная часть — соображения и интенции преимущественно интимного свойства.

Итак, что такое идентичность? По нашему мнению, это — самохарактеристика субъекта, представляющая собой относительно автономное ментальное образование, содержащая *ролевые предписания* (включая требуемые для их выполнения качества, навыки, задатки) и *статусы* (принадлежность индивида

к определенной группе с соответствующими правами, обязанностями и символическим капиталом). Эти регулятивы составляют моменты наличной жизненной ситуации человека, а также жизненного пути, в том числе планируемого. Вместе с тем совокупность сконструированных индивидом идентичностей отражает основной репертуар социальных предписаний, образующий общество. Иными словами, в качестве идентичностей выступают установки, необходимые для функционирования и развития социального организма. Скажем, “отец” — фигура обязательная в любом обществе. Существующая идентичность имеет позитивный характер [“я стремлюсь быть хорошим отцом”] и является основной, наиболее распространенной установкой. Но подобная идентичность может бытовать и в *превращенной форме*, воплощающей негативные коннотации [“воспитание детей — не мое”]. Причем это — не зеркальное отражение с отрицательным знаком [“долгой отцовство!”], а ментальное образование в скрытом или явном виде изменяющее/выхолащивающее позитивное содержание (в данном случае выполнение миссии отца) путем выдвигания различных условий [“сначала хорошая работа, потом квартира, обязательная помощь родственникам, но... только не твоей мамы”]. Идентичность “отцовство” с позиций социума является необходимой и социально одобряемой, а установка индивида (превращенная форма идентичности) — социально “подозрительной”. Таким образом, одна из главных “внешних” задач идентичности — указывать членам социума “кто есть кто”, выполняет ли ее “носитель” необходимую для социума функцию. Впрочем, даже визуальная, то есть непосредственная констатация идентичности — непростое дело (см. рисунки в тексте).

Способность усваивать идентичность и руководствоваться ею в повседневной жизни формируется в процессе социализации личности. В ходе социализации складываются отдельные ментальные конструкции, соответствующие возрасту (самообразы “ребенок”, “учащийся”), а также навыки оперирования идентичностями. Характерен в данном отношении прием в пионеры в советское время. Процедура была детально регламентирована. Школьникам объясняли задачи пионерской организации, то есть содержание ролевого предписания, обязанности закреплялись в Торжественной клятве, регулярно члены организации отчитывались о проделанной работе перед пионерским отрядом (анализ, оценка действий и закрепление достигнутого). Иными словами, был разработан и практически существовал алгоритм реализации идентичности “пионер” (“молодой строитель светлого будущего”, “помощник партии”). Внеидеологические, необходимые для повседневной жизни идентичности, не формировались столь целенаправленно, однако школа, семья и улица делали свое дело — выдвигали перед формирующейся личностью требование выполнять определенные нормы и предписания. И когда наступало

Сара Бернар в роли Гамлета. С позиций общества ролевое предписание и соответствующая идентичность важнее биологической природы человека

время активной интеграции в жизнь общества, в его основные подсистемы (трудовая деятельность, гражданская активность/“общественная работа”) у “социализированного” индивида активизировалась способность усвоения и оперирования идентичностями. Ключевыми механизмами здесь выступает подражание образцу (см. ниже) и перенос алгоритмов с уже сформированных идентичностей на новые (знакомство с информацией по “теме”, анализ опыта окружающих, “разбор полетов” [подведение итогов]).

Подростающему поколению передается не только информация об алгоритмах выполнения роли (жены или мужа), но и установка на необходимость реализации определенных требований, норм, предписаний, то есть формируется представление о последствиях их выполнения/невыполнения. Подобные установки, относящиеся к сфере морального сознания, выступают необходимым условием конструирования и идентичности.

В качестве иллюстрации процессов, происходящих в области самоидентификации, приведем две типичные индивиду-

дуальные (персональные) идентичности, почерпнутые из автобиографических рассказов (подробнее см.: [4]).

“Недавно отпраздновала тридцатник. Для женщины — пора расцвета. Юность позади. Но красота только набирает силу. Любящий муж, любимые дети, выросшие из периода пеленок и вечного недосыпа. На работе все устаканилось. Можно подвести некоторые итоги.

Родилась в обычной семье... В года три-четыре, когда стала понимать, что мама и папа, бабушка и дедушка любят меня больше всего на свете, пришло ощущение счастья и начала задавать вопросы. Как могли, взрослые мне объясняли, что я человек, который должен научиться многому — много уметь делать — и это самое главное в жизни, что мне дана голова на плечах для того, чтобы преодолевать любые трудности, а их будет, ох сколько. Еще надо любить близких и обязательно помогать другим людям, а они помогут тебе... В общем, к первому классу я уяснила, что мы, люди, — самые главные в этом мире, что нам многое дано, но с нас много и спросится, что всегда надо быть честным и справедливым, любить близких, учиться всему новому и интересному и тогда у тебя будет настоящая жизнь, а не

дешевый спектакль, как у Пронькиных (любимые слова моей бабушки). Вот с этой, как сейчас говорят программой, я и живу.

...По прошествии тридцати лет понимаю, что когда-то родители мне внушили очень важные мысли: в этом большом мире ты, человек, — особое существо, только у тебя есть мозги, совесть и сердце, чтобы любить. Никогда об этом не забывай”.

Приведенный нарратив можно рассматривать как набор идентичностей, начавший формироваться в раннем детстве и характеризующий базовые культурно-антропологические составляющие жизнедеятельности.

А вот еще одна типичная автобиографическая история.

«Сколько себя помню, отец говорил мне — ты мужик, ты русский; никогда не забывай это и веди себя соответственно. Только к годам десяти я понял, что половая принадлежность и национальность — разные вещи. Но понимание того, что ты мужчина и что ты русский человек и это — главные стержни в жизни, — осталось. Также старался воспитывать и пацанов (обоим уже за двадцать).

...Конечно, с годами юношеский восторг — “ты настоящий мужик!”, “ты русский парень!” — поугас. Но чувства ответственности, справедливости, самоуважения, заложенные в этих понятиях, остались. “Нельзя обижать слабых, их надо защищать; надо уважать женщину, женщины — наши матери, жены, которые родят и воспитывают наших детей. Русский человек своей земли никому никогда не отдаст, а новому доброму соседу всегда рад. Эти заветы предков будем исполнять, покуда сами живы”».

Следует различать: а) системоподдерживающие (социально одобряемые) идентичности; б) идентичности, имеющую превращенную форму “псевдоподдерживающие”; в) идентичности маргинального характера (“трикстер”, “проказник”, “хулиган” — персонажи, санкционированные культурой и выполняющие в ней определенную позитивную роль); г) неодобряемые идентичности, носителями которых являются представители групп отклоняющегося поведения (бомжи, преступники, заключенные), групп, с существованием которых социум вынужден мириться. Несколько слов о последнем из перечисленных феноменов. Подобные идентичности оказывают негативное влияние на поощряемые установки, засоряют их элементами маргинальных или латентных культур, подвергают коррозии устоявшиеся представления.

В последнее время много и справедливо говорят еще об одной форме идентичности — назовем ее опосредованная идентичность; в основе этой ментальной конструкции лежит феномен *отстраненной сопричастности*, рождающейся в условиях медиатизация социального пространства; последняя приводит к изменению привычных моделей коммуникации, возникнове-

М. Мануильский
Идентичность:
сущность,
основные
конфигурации

нию новых повседневных социокультурных практик [11]. Складывающееся у жителей современной городской среды ощущение принадлежности к общим практикам, стандартам и формирующаяся на этой основе символическая общность, как правило, носит заочно-анонимный характер, не имеет непосредственного эмоционального подкрепления, но возникающая у людей установка может рассматриваться как реальная идентичность.

Еще один широко распространенный вид идентичности — идентичность пользователей виртуального пространства — активных участников и постоянных посетителей “фейсбука”, “одноклассников”, “ВКонтакте”, других подобных приложений. Я бы не сводил виртуальное поведение и конструируемые здесь идентичности к игре, досуговому общению. По моему мнению, в данном случае правомерно говорить о своеобразной форме эскапизма, ухода от действительности. Но это — тема отдельного разговора.

В целом же реализуемая субъектом идентичность в ее социально одобряемом варианте представляет собой сплав предъявляемых обществом норм, требований и их трактовку, обусловленную биогенетическими факторами и особенностями индивидуальной биографии². Необходимо при этом отметить, что самооценки (отнесение к ценности, по Веберу), переживания по поводу совершаемых или планируемых поступков это — неустранимый, но всего лишь контекст происходящего (сопутствующий шум), а не ментальные слагаемые идентичности. Вместе с тем упомянутый контекст очень важен: без “переживаемости” образца невозможно его усвоение.

В плане модальности принятие идентичности, независимо от субъективного отношения к ней, предполагает со стороны индивида определенное усилие, *долгествование*. Игру в дочки-матери можно отложить; выполнение материнских обязанностей — нет.

Важнейшим элементом усвоения идентичности выступает процесс *подражания* — копирование субъектом требуемых от индивида алгоритмов действий (родительских, профессиональных и т.п.). Подражание — начальный этап, который со временем сменяется полномасштабной реализацией норм и предписаний. Так происходит не всегда. Нередко все остается на стадии имитации. Ситуация может принять даже маргинальный характер, форму отклоняющегося поведения в случае сознательной *симуляции* индивидом выполнения тех или иных требований, функций.

Ядром совокупности идентичностей являются представления о своем месте и предназначении в окружающем мире, важнейших этапах жизненного пути. Вокруг них группируются этно-национальные установки, гендерные маркеры, семейно-родственные препозиции, трудовые и профессиональные характеристики, способы межличностной коммуникации, правила поведения в сфере властно-правовых отношений.

² Многочисленные истории жизни близнецов наглядно свидетельствуют о специфическом преломлении наследственных факторов в конкретных социальных условиях [8].

М. Мануильский
Идентичность:
сущность,
основные
конфигурации

“Бедный Йорик...”.
Картина Даньяна
Буврэ. Статус
придворного
шута может
символизировать
даже череп

Идентичность тесно связана с Я-концепцией индивида, в которой, как известно, выделяют реальное, идеальное и зеркальное (социальное) Я; они по-разному представляют внутренний мир личности. Не вдаваясь в подробности, подчеркнем различия идентичности и Я-концепции. Последняя в структурном отношении включает многие из вышеперечисленных параметров — представления о собственном предназначении, профессиональные и коммуникационные предпочтения и т.п. Но в рамках Я-парадигмы они предстают в творческо-деятельностном модусе. В рамках же системы идентичности эти характеристики носят преимущественно конституирующий характер.

Наконец, как уже отмечалось, идентичности присутствуют на всех этапах *жизненного пути* человека (см., напр. [1]). По-

следний есть континуум прошлого, настоящего и будущего. Соответственно, следует выделять накопленную идентичность, актуальную идентичность и планируемую (проектируемую) идентичность. Представление о себе как об отце и муже обычно формируется к моменту женитьбы путем усвоения опыта окружающих. С рождением в семье ребенка этот опыт корректируется под влиянием текущих обстоятельств (накопленная идентичность превращается в актуальную). Ожидание следующего ребенка — тем более подкрепленное реальной беременностью жены, — формирует проектируемую идентичность, в которой учитываются прошлые позитивные моменты и пережитые трудности.

Идентичность выполняет важные культурно-антропологические функции.

- Ядерная составляющая (представление о себе и своем предназначении) обеспечивает “самость”, “самоаутентичность” индивида в процессе перемещения его активности между различными сферами жизнедеятельности — семейной, производственно-трудовой, духовно-практической и т.п.

- Важнейшая функция идентичности заключается в адаптации к новым для индивида (группы) социально-культурным феноменам и процессам: взаимодействие с инокультурными субъектами, освоение возникающих социальных ролей и т.д. Речь идет не о формировании самоидентичности взамен существующей, а о коррекции последней на новом этапе жизненного пути, что предохраняет от саморазрушения личности.

- Наличие идентичности (идентичностей) и связанной с ней ответственности свидетельствует об интеграции индивида в общество, легитимизирует его статус полноценного члена социума, является источником самоуважения, придает ощущение полноты бытия, экзистенциальной значимости. Все это представляет собой непереносимое условие раскрытия творческого потенциала человека, реализации способностей и задатков.

- Идентичность обеспечивает использование творчески-преобразовательного потенциала личности в условиях возникновения и решения инновационных задач.

- Идентичность позволяет сохранить преемственность настоящего и будущего, то есть адаптировать текущие изменения к новой “надвигающейся” повседневности.

Система, совокупность идентичностей, которых придерживается личность, представляет собой *актуальное самосознание* индивида, то есть его практически-деятельностный аспект, уровень перехода от слов к делу. Идентичность, подчеркивают П. Бергер и Т. Лукман, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности [2, с. 115]. В этом контексте неправомерно говорить о “ложном”, “ущербном” и т.п. самосознании, поскольку с помощью идентичностей индивид реально конструирует бытие во всей его необходимости и доста-

Обложка альбома группы Битлз “Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера” (1967). Коллаж на конверте представляет собой сложную систему идентичностей. Альбом замысливался как запись с концерта неизвестной группы. Ее члены, одетые в костюмы XVIII века военного покроя, помещены в центре в окружении знаменитых личностей всех времен и народов (Карл Маркс, Карл Юнг, Мэрилин Монро), что, видимо, должно символизировать всемирную известность, которую группа приобрела к тому времени. В левом углу находятся восковые фигуры музыкантов из Музея мадам Тюссо, обладающие “по определению” абсолютным внешним сходством с прототипами. Битломания, пик которой приходится на середину 1960-х годов, с полным правом можно считать своеобразной, небывалой по масштабам формой идентичности

точности. В необычных, экстремальных условиях структура идентичностей будет искажаться. Скажем, в ситуации войны преобладающей идентичностью у человека может быть образ жертвы, который деформирует остальные важные “самопризнания”. В таком случае уместно говорить о проблемах наличного самосознания.

Разумеется, помимо идентичности важную роль в структуре самосознания играют теоретико-мировоззренческие построения, в том числе религиозного характера; задаваемые культурой формы чувств и переживаний по поводу экзистенциально значимых событий повседневной жизни; сложившиеся способы реагирования на нестандартные ситуации, пути и навыки

реализации социальных, а также технических новаций. Соответствующие параметры самосознания непосредственно влияют и на систему идентичностей. В качестве ядра самосознания нередко указывают на способность индивида к глубокому и систематическому самоанализу. При этом ссылаются на идеи близких нам Бердяева, Розанова, других выдающихся интеллектуалов. По нашему мнению, природа саморефлексии (*cogito ergo sum*) принципиально не отличается от интенциональных актов мышления.

Глубинную основу самосознания индивида составляют установки культуры, именно:

- Представления о нашем месте в мироздании (**кто мы?**); речь идет не о наличии у человека собственного разума или божественной воли, а о констатации нашего присутствия в универсуме как полноправного и полноценного субъекта.
- Представления о собственной истории и механизмах ее развития, включая историю близких и сообщества, с которым субъект себя отождествляет (**откуда мы?**).
- Представления о нашем предназначении в жизни, миссии (**зачем мы?**).
- Представления о перспективах, конечных целях жизнедеятельности (**куда мы?**).

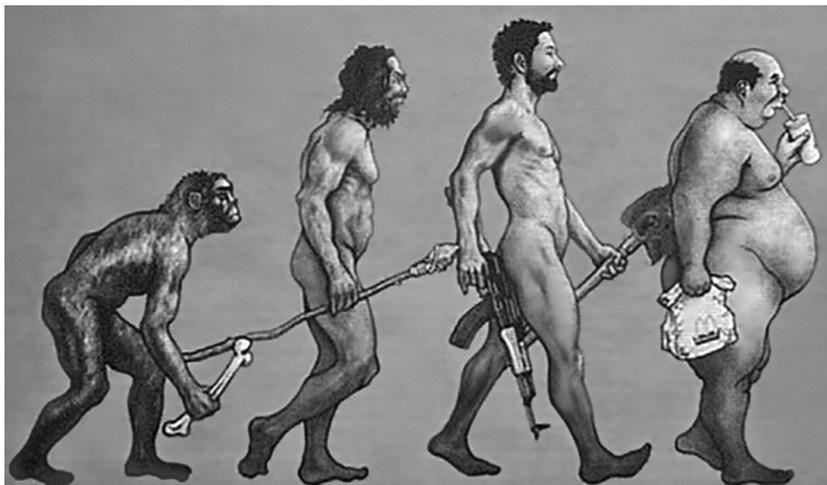
Перечисленные установки имеют предельно общий характер. Они содержатся в основных религиозных учениях, мировоззренческих конструкциях, философских системах и через них воздействуют на представления людей о жизненном пути, на систему их идентичностей. Последние в свою очередь складываются в процессе переживания/проживания различных этапов биографии. Не бывает идентичностей, созданных “на всю жизнь”. Даже такие, казалось бы, неизменные константы, как пол и национальность, со временем и под влиянием обстоятельств меняют в сознании индивида свою конфигурацию. Восемнадцатилетний юноша и седоволосый старец — это разные особи мужского пола с разными самооценками и разными социально-культурными статусами. Русская девушка, вышедшая замуж за сирийца и переехавшая в силу обстоятельств жить с семьей, скажем, в Дамаск по-иному строит свой повседневный этнокультурный мир, чем в родном Долгопрудном.

Понятие “идентичность” вошло в научный обиход, а затем и в массовое сознание в середине прошлого века. Это не значит, что данная ментальная конструкция до той поры не присутствовала в интеллектуальной традиции и в исторической практике. Реальная история наполнена многочисленными примерами того, что “по одежке встречают”, что внешний облик, манеры поведения, соответствующее им самоощущение играют важнейшую роль в повседневной жизни, в социальном статусе индивида. Статус принцессы могла символизировать малюсенькая горошина, а о знатности собеседника судили по наличию сапог.

Вместе с тем вопрос о социальной природе идентичности остается дискуссионным. Наиболее распространенным является представление, согласно которому сущность, основная функция идентичности сводятся к ее системообразующему началу: “она рассматривается, как интегрированное переживание жизненной ситуации... выступает как воображаемая целостность” [10, с. 55]. Определенные элементы такого самоотношения в рассматриваемой ментальной конструкции присутствуют. Действительно, “идентичность формирует индивиду траекторию прохождения через разные социальные, институциональные установления в течение всего жизненного цикла” [там же, с. 52]. Однако мотив целостности собственной личности — не самый главный в реализации субъектом подавляющего большинства идентичностей (например, “отца”). Целостность достигается иным способом. “Самопроекция”, сформированная на материалах отдельной, конкретной сферы жизнедеятельности (воспитание детей), обязательно отражает элементы граничащей с ней сферы, и при определенном усилии воспроизводит многогранный образ окружающего мира и свое место в нем (но... с акцентом на значимости “отцовства”).

По нашему мнению, природу и происхождение идентичности надо связывать, прежде всего, с коллективной деятельностью человека, кооперацией и разделением труда — феноменами, органически присущими эволюционно-историческим процессам. Разделение труда, специализация — необходимые условия коллективной деятельности. Их первичные формы — по полу и по возрасту — возникают естественным образом, но постепенно, со временем усложняются. Так, в рамках семьи происходит разделение на мужа-добытчика и жену-хранительницу очага, сопровождающееся “идеологическим” (ментальным) оформлением ролевых предписаний и статуса. Параллельно возникает специальная процедура: инициация подрастающего поколения — первая в человеческой истории форма наделения человека идентичностью; посвящаемому специально объясняют и вменяют новые “права” и “обязанности”.

Разделение труда, в частности, внутри семьи деформирует естественную целостность человека, выдвигает на первый план определенный круг качеств и способностей. Реакцией на дифференциацию внутреннего мира выступает формирующееся осознанно или стихийно чувство самотождественности, обеспечивающее необходимый психологический комфорт. В развитии состоянии это ощущение преобразуется в Я-концепцию; последнюю следует рассматривать в качестве общеличностной идентичности, вокруг которой складывается система частных, “специализированных” идентичностей. Представление о творческом характере собственного Я предполагает возможность существования множества его воплощений в различных сферах и ситуациях. В то же время усложнение структуры обществен-

Новая ступень эволюции? Преобладающим образом человека будущего является роботоподобное существо антропоморфного вида, что отражает господствующее представление, согласно которому новый человек — продукт конструирования с использованием высокотехнологичных узлов (искусственный интеллект, сенсорные датчики, различного рода механические манипуляторы). Вторая, точнее исторически первая альтернатива — естественная эволюция *homo sapiens*. К сторонникам такой точки зрения, видимо, принадлежит автор данной композиции. Однако его прогноз не назовешь оптимистическим, а предлагаемая идентичность вряд ли станет притягательной

ного организма, институциализация его отдельных подсистем стимулирует рост разнообразия потенциальных идентичностей, но сам их репертуар остается когерентным структурно-функциональной системе общества. Разумеется, это весьма условная и абстрактная модель, которая требует детализации на материалах конкретных исследований.

Не менее серьезные проблемы возникают при анализе механизмов формирования проектируемых, “будущих” идентичностей.

Представление о возможности самостоятельно конструировать жизненный путь возникло в эпоху Модерна. До этого господствовали идеи о предначертанности индивидуальной судьбы. В рассматриваемый период появились две основные концепции будущего (В.А. Лекторский):

- Грядущее как улучшенное, более совершенное настоящее; парадигма базируется на идее прогресса, неуклонного поступательного движения человеческого общества по “восходящей” траектории.

- Новое состояние как результат *радикального* преобразования существующего порядка вещей; данная парадигма в свою очередь в значительной степени основывается на сциентизме и технизме, она также предполагает мировоззренческие ориентиры; только в данном случае вместо наращивания существующего блага предлагаются принципиально новые идеалы — не персональные счастье и благополучие (трактуемые каждым на

свой лад), а сообщество формально равноправных индивидов. В лозунге Великой Французской революции (“Свобода — Равенство — Братство”) при внешней равнозначности слагаемых наиболее привлекательной идеей с точки зрения простоты достигаемости оказалось равенство как оборотная сторона справедливости. Это особенно ярко проявилось в теории и практике большевизма.

Каждый из вариантов будущего предполагает свою идентичность. В первом случае эта идентичность “по определению” многомерна, правильнее было бы даже говорить о возможности конструирования разных, в наибольшей степени отвечающей индивидуальным запросам идентичностей. Во втором случае идентичность будущего — это Новый человек. Контуры такой модели довольно расплывчаты, сама она во многом утопична, поскольку отрицает (по мысли создателей — “превосходит”) традиционные слагаемые человеческой природы. Впрочем, данная тема требует отдельного разговора.

Начиная с Римского клуба, проекты глобального развития начали обсуждаться в обществе как возможные тенденции *происходящих* изменений. Это в какой-то мере стало поворотным пунктом в способе мировосприятия и мировидения. Помимо всего прочего сдвиг повлек за собой изменение нашего отношения к идентичности. Акцент в ее трактовке вышел за пределы традиционной обращенности к прошлому как источнику формирования. Пришло понимание того, что прогнозировать/проектировать можно и нужно не только события, процессы, но и их человеческое измерение, их личностный “покрой”, что важны не просто “социальные последствия”, но их индивидуальное проживание/переживание.

В современном теоретическом и массовом сознании существует несколько проектов, предполагающих существенную перестройку сложившихся или выработку новых идентичностей. Подобный подход, например, просматривается в проекте “активный гражданин”, реализуемый московскими властями. Элементы такого мировидения заложены в концепции новой модели социального управления как системы услуг (концепция нового государственного управления) [9, гл. I]. Реализация проекта предполагает формирование определенных качеств у человека как гражданина, наращивание его гражданской активности не сфере вертикальных отношений “народ-власть”, а в плоскости горизонтальных взаимосвязей. Человека, его самоидентификацию в данном случае можно уподобить гражданину древнегреческого полиса только с поправкой на то, что в те времена не все население сообщества обладало гражданскими правами, а полноправные граждане считали *естественной* подобную деформацию личности и в реальных действиях руководствовались данным обстоятельством. Иными словами, идеал гражданина в условиях “нового управления” должен быть существенно скорректирован в сторону максимального

учета многообразия каждой личности и утверждения не просто толерантности, а комплементарности [3]. Насколько это реально — покажут проводимые эксперименты.

Пожалуй, наибольшее воздействие на систему планируемых идентичностей оказывают идеи конструирования человека [5]. Спектр подобных установок весьма широк — от использования традиционных средств изменения имиджа — до ультра-современных психотехник. Так, для достижения внешнего облика, отвечающего стандартам гламура используется обыденное или специализированное преобразование телесности... “средствами декоративной косметики... без нарушения (курсив мой. — М.М.) биологических структур тела” [7]. Речь в данном случае идет о современном “научнообразном” выражении “секретов моды”. Вообще мода издавна считается средством, конструирующим будущее здесь и сейчас. Придя в салон осенью 2017 на модный показ одежды “Весна-лето 2018”, вы реально оказываетесь в ближайшем будущем; стремясь приобрести демонстрируемые на дефиле наряды, вы буквально в смысле при머яете на себя грядущее, будущую идентичность. Ведь любой модный показ — это не только одежда и аксессуары, это стоящий за всем этим стиль жизни.

Новейшие нбикс-технологии претендуют на переконструирование человека и его идентичности уже с изменением “биологических структур тела”. Вряд ли имеет смысл анализировать детали нового биологического человекоподобного организма типа Аватар, за создание которого ратуют сторонники трансгуманизма. Технологические прорывы к горизонтам нового “совершенного” человека ежедневно происходят на наших глазах. Опасность здесь заключается в превращении развития техники в самоцель: “человек рискует оказаться незначимым звеном в технологической экспансии, звеном, которое будет сметено в процессе технической эволюции” [6, с.148]. Подобные прогнозы, связанные с утратой телесных основ идентичности (С. Жижек) периодически вбрасываются в массовое сознание. Но главные антропологические риски связаны не с инструментальными новациями, а с деформациями в области природы человека. Основная проблема в плане рассматриваемой темы связана с соотношением естественного и искусственного, глубоко проанализированным Б.Г. Юдиным [12, с. 12].

- Естественное может восприниматься как дикое, чуждое, некультуренное, неорганизованное, источник опасностей и угроз. Тогда искусственное, напротив, будет представляться окультуренным, близким, своим, дающим прибежище и защиту.

- Естественное способно выступать в качестве чего-то существующего вне и помимо нас, обладающего самостоятельным, в известной степени не зависимым от нас бытием, с присутствием ему собственным порядком, которые наделены само-

ценностью, которой можно и нужно внимать, которая пригодна для извлечения неких уроков.

В контексте обозначенной дилеммы идентичность следует рассматривать как искусственное, “рукотворное” образование, удваивающее реальность. Реальная миссия отца, преобразуясь в процессе мыслительной деятельности в идентичность, превращается в регулятив, направляющий действия индивида. В то же время идентичность “отец”, будучи полностью или частично независимой от субъекта, приобретая самостоятельную ценность, может рассматриваться как “естественное”. В реальной повседневной жизни, когда система “позитивных” идентичностей когерентна социальной структуре, различия между естественным и искусственным малозначимы. Когда же мы вступаем на путь конструирования человека, создания новых идентичностей, сфера искусственного расширяется практически в геометрической прогрессии. При этом теряются “традиционные” свойства искусственного: “близкое, свое, дающее прибежище и защиту” уходит в прошлое перед лицом неизведанного. Или искусственное превращается в естественное нового порядка?..

Литература

1. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания/ Пер. с англ Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
3. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. СПб.: Кристалл. 2011.
4. *Мануильский М.А.* Биография в структуре жизненного мира индивида // Человек. 2005. № 5.
5. Модификация человека. Круглый стол Института философии РАН и журнала “Человек” // Человек. 2006. № 4, 6.
6. *Попова А.В.* Интимные технологии и кризис социальности // Человек. 2017. № 1.
7. *Пронькина А.Н.* Косметические практики трансформации тела человека в системе современной массовой культуры. Автореф. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2017.
8. *Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л.* Психогенетика. М., 2000.
9. Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: ФГБУН Институт социологии РАН, 2015.
10. *Симонова О.А.* К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3.
11. *Соловьев А.В.* Медиагород и человек: отстраненная сопричастность // Человек. 2017. № 5.
12. *Юдин Б.Г.* Трансгуманизм — наше будущее? // Человек. 2013. № 4.